

К. Аксаков

О русских глаголах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
К11

К11 **К. Аксаков**
О русских глаголах / К. Аксаков – М.: Книга по Требованию, 2016. – 47 с.

ISBN 978-5-458-55462-6

ISBN 978-5-458-55462-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О РУССКИХЪ ГЛАГОЛАХЪ.

О Русскихъ глаголахъ было писано много, но вопросъ досель остается не рѣшеннымъ, досель пониманіе еще не уравнилось съ предметомъ, — и глаголы нашего языка остаются во всей своей не покорной самостоятельности, не поддающейся теоретическимъ объясненіямъ.

Между замѣчательными сочиненіями, по этой части, мы можемъ назвать разсужденіе г. Шафранова, не такъ давно вышедшее «О видахъ Русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи». Сочиненіе г. Шафранова раздѣлено на двѣ части; въ первой разсматриваетъ онъ разныя мнѣнія о Русскихъ глаголахъ; во второй — плагаетъ свои. Нисколько не соглашавсь съ разсужденіемъ автора, мы весьма ему благодарны за сводъ мнѣній о Русскихъ глаголахъ, мнѣній, изъ которыхъ некоторыя уже и позабыты. Самъ же авторъ придерживается, въ общемъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, теорій Ломоносова и Востокова.

И Русскіе, и Нѣмцы пытались объяснить Русской глаголъ, но досель безуспѣшно. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранцамъ трудно постигнуть языкъ, имъ чуждый;

особенно Немцамъ трудно постигнуть языкъ Русской: но едва ли легче понять его и Русскому, руководимому иностранными воззрѣніями вообще, хотя бы онъ и не былъ послѣдователемъ именно того или другаго иностранца. Не въ томъ главное дѣло, иностранецъ ли по происхожденію сочинитель, но въ томъ, иностранецъ ли онъ по воззрѣнію. Порода значитъ все въ мірѣ природы, но въ мірѣ чловѣка есть нѣчто выше породы: это духъ. Если иностранецъ пріобщился Русскому духу, и, не обинуясь, назову его Русскимъ, а Русскаго, пріобщившагося духу иностранному, — иностранцемъ. Не лишнимъ считаемъ сказать здѣсь эти слова, хотя онѣ имѣютъ лишь отдаленное примѣненіе къ теоріямъ Фатера и Таппе. — Великій Ломоносовъ, а также и извѣстный нашъ ученый Востоковъ наложили на нашъ языкъ готовую рамку времени, взятую изъ иностранныхъ языковъ, Греческаго и Латинскаго, и только видоизмѣнили ее, примѣняя къ языку родному. Между тѣмъ Фатеръ и Таппе чувствовали, что для языка Русскаго иностранное воззрѣніе не годится, что для него нужно особое объясненіе, особая точка зрѣнія, и старались ее отыскать; конечно, они не нашли ее, но и то уже, что почувствовали ея потребность, что искали ее, составляетъ въ глазахъ нашихъ не маловажную услугу. Слова наши относятся и къ Русскимъ, ихъ послѣдователямъ, также и къ извѣстному филологу протоіерею Павскому, до сихъ поръ не оцененному вполне по заслугамъ. Всѣ они, какъ думаемъ мы, близко проходили мимо истины, и справедливость требуетъ признать это (*).

(*) Справедливость требуетъ также указать на разсужденіе г. Каткова: «объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка»; гдѣ онъ вы-

Такимъ образомъ, теорія о Русскихъ глаголахъ раздѣляется на двѣ противоположности: Ломоносовъ и вслѣдъ за нимъ Востоковъ строить цѣлую обширную систему временъ изъ нашего глагола, при чемъ, для означенія временъ, пользуются и сложными глаголами. Фатеръ и Таппе напротивъ раздѣляютъ спряженіе, такъ что, по ихъ мнѣнію, глагольныя формы, напр. *двигну, двигаю, двигивалъ*, — суть особые глаголы. Эта мысль и есть, какъ думаемъ мы, предчувствіе истины, за которое должно сказать спасибо ученымъ Нѣмцамъ. Нѣкоторые теоретики, слыша эти глагольныя формы, съ присоединеніемъ даже нпыхъ предложныхъ, въ одно спряженіе, богатое временами, — быть можетъ думаютъ, что это служить къ чести Русскаго языка, что де не только въ языкахъ чуждыхъ, но и у насъ есть полное спряженіе, что нашъ языкъ въ этомъ имъ не уступаетъ, что у насъ, у одного и того же глагола, есть всѣ времена. — Но здѣсь, по нашему мнѣнію, видны ошибочное чувство и ошибочная мысль. Развѣ только въ томъ состоитъ честь и слава, чтобы повторить у себя чужое, чтобы пройти по чужой дорогѣ не хуже другихъ? Развѣ нельзя идти по своей дорогѣ, развѣ нельзя, не имѣя чужаго, имѣть вмѣсто него свое, совершенно особенное, отличное отъ всѣхъ? Развѣ это свое не можетъ быть еще лучше, еще достойнѣе, и развѣ тогда не больше славы? Но какъ бы то ни было, мы должны руководиться, при нашихъ изслѣдованіяхъ, не тѣмъ, чтобы стараться отыскать у насъ всѣ чужія особенности, какъ бы по видимому онѣ ни были хороши — въ этомъ случаѣ мы впадемъ въ ошибку, чему

сказалъ нѣсколько прекрасныхъ соображеній о Русскомъ глаголѣ, къ сожалѣнію очень краткихъ. Мы приводимъ изъ него выписку въ приложеніяхъ. N 1.

примѣръ всѣ наши грамматики; — а тѣмъ, чтобы безпристрастно отыскать и узнать свое, какое бы оно ни было—тогда мы придемъ къ истинному взгляду. А это свое сверхъ того можетъ быть еще несравненно выше чужаго. Въ первомъ стремленіи видна зависимость, видно неполное сознаніе чужаго превосходства надъ собою, сознаніе, которое сдѣлать сказать иностранцамъ: «и мы такіе же, какъ вы». Но во второмъ воззрѣніи именно есть независимость, есть сознаніе самостоятельности, которая не боится сказать иностранцамъ: «нѣтъ мы совсѣмъ другіе, чѣмъ вы». Высказать здѣсь наше мнѣніе, также, думаемъ мы, не мѣшаетъ. Это желаніе, это странное, жалкое самолюбіе найти все чужое у себя, это недоверіе къ собственной самостоятельной Русской жизни, сбивало досель всѣ воззрѣнія науки у насъ; но теперь пришла иная пора. Мы не боимся быть непохожими на нашихъ западныхъ сосѣдей; мы не боимся быть собою,— и по этому настало время для науки обратиться къ самому Русскому языку, къ самой Русской исторіи и прочимъ областямъ знаній, — и обратиться со взглядомъ яснымъ, безъ иностранныхъ очковъ, съ вопросомъ искреннимъ, безъ приготовленнаго заранее отвѣта,— и выслушать открытымъ слухомъ отвѣтъ, какой дадутъ Русской языкъ, Русская исторія и пр.

И такъ постараемся обратиться теперь къ самому языку нашему и именно къ глаголу и посмотримъ, какой получимъ отвѣтъ.

При первомъ взглядѣ мы замѣчаемъ, что Русской глаголь управляется съ категоріею времени совершенно самостоятельно и вовсе не похоже на глаголы другихъ языковъ. — Если мы издумаемъ искать времени, известныхъ намъ изъ иностранныхъ грамма-

тикъ, — мы останемся неудовлетворенными. Въ самомъ дѣлѣ, прежде всего поражасть насъ то, что прошедшаго времени въ нашемъ языкѣ нѣтъ вовсе. Русской языкъ не считаетъ дѣйствій прошедшаго за дѣйствіе. Въмѣсто формы глагола въ прошедшемъ времени, встрѣчается у насъ отглагольное прилагательное или причастіе прошедшее, переходящее, какъ это известно, въ чистое прилагательное: *былъ*—*былой*, *служилъ*—*служилый*. Это подтверждается и древнею формою: *быхъ есмь*. Я *служилъ* значить собственно: я *есмь* *служилый*, также какъ: я *добръ*, значить: я *есмь* *добрый*. Намъ скажутъ, что здѣсь есть отглаголь: такъ; но одно употребленіе придаетъ отглаголь; напр. *онъ унылъ*; выраженіе это можетъ имѣть оба отглаголя: *онъ унылъ* *покуда*, т.-е. *онъ унылый*, или: *онъ отъ неудачи не унылъ*, т.-е. *не сталъ унывать*. Выраженіе совершенно одно и то же, и всл. небольшая разница зависитъ отъ употребленія; передъ нами же, на самомъ дѣлѣ, — отглагольное прилагательное, и только; а формы прошедшаго времени у насъ нѣтъ.

Остается настоящее и будущее; но и здѣсь мы безпрестанно затруднены употребленіемъ времени. — Будущее принимаетъ такой видъ, что будущимъ назвать его нельзя. Для примѣра возьмемъ здѣсь слѣдующую рѣчь (*): «Всякой день проходилъ у насъ однообразно: я *подойду* къ его двери, *стукну* раза два; онъ *отво-*

(*) Какъ часто употребляется будущее съ выраженіемъ: бывало; напримеръ: какъ *бывало* я *сяду*. Г. Шафрановъ (какъ это видно изъ его словъ: стр. 92, 93) считаетъ, хотя и ошибочно, «бывало» какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, дающимъ право глаголамъ стать въ формѣ будущего; а такъ-какъ можетъ быть это стануť утверждать и другіе,—то мы приводимъ нарочію другіе примѣры для доказательства, что такое употребленіе вовсе не происходитъ отъ словечка *бывало*.

речь, скажетъ мнѣ: здравствуй и потомъ поидетъ со мною вмѣстѣ» и проч. Въ этомъ примѣрѣ будущее употребляется, какъ прошедшее: я рассказываю о томъ, что было. Странное же будущее! Мало того: я могу перемѣнить время разсказа; вмѣсто: всякой день проходилъ, я могу сказать: проходитъ, будетъ проходить,—и то же будущее, та же рѣчь исполнѣ возможна. Иногда времена еще болѣе перемѣшаны, напримѣръ: «онъ много терлеть часовъ на разговоры, каждое утро онъ скажетъ мнѣ: здравствуй, и пошелъ себѣ заниматься, и т. дал.». Гдѣ же здѣсь опредѣленіе времени? Оно ускользаетъ и, какъ видно, здѣсь въ глаголѣ опредѣляется что-то другое. Такое употребленіе часто встрѣчается въ нашемъ языкѣ: въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ оно выступаетъ еще ощутительнѣе, напримѣръ:

И поѣхалъ Дунай ко князю Владиміру,
И будетъ у князя на широкомъ дворѣ,
И скочили съ добрыхъ коней съ молодой женой.

Здѣсь *будетъ* не означаетъ будущаго. Здѣсь нѣтъ того смысла, что Дунай еще будетъ у князя на дворѣ, какъ понялъ бы иностранецъ; здѣсь тотъ смыслъ, что онъ уже среди двора. Но гдѣ же тутъ будущее? Очевидно, здѣсь нѣтъ будущаго времени. Но вотъ примѣръ употребленія т. н. будущаго въ настоящемъ: «посмотрите, что дѣлаетъ залцъ: прыгнетъ и прмляжетъ, прыгнетъ и приляжетъ».—Но къ чему приводить много примѣровъ; стоитъ только обратить вниманіе на нашу собственную рѣчь, и подобныя примѣры будутъ встрѣчаться безпрестанно: «какъ кинетъ, какъ побѣжитъ», или: «все тихо: волна не подыметъ, листокъ не шелокнетъ». Послѣ такого, чисто Русскаго, свойства языка мы необходимо должны придти къ заключенію, что

формы глагола, часто употребляемыя для выраженія будущаго, не могутъ назваться формами будущаго времени, ибо часто употребляются и въ прошедшемъ и въ настоящемъ. Вернѣе будетъ, если мы скажемъ, что эти т. н. будущія формы глагола — независимы отъ времени. Следовательно, въ Русскомъ глаголѣ нѣтъ формы будущаго времени. Какое же время есть въ Русскомъ глаголѣ? Одно настоящее? Но настоящее одно, безъ понятія прошедшаго и будущаго, не есть уже время: это безконечность. Безконечности опять не могутъ выражать Русскіе глаголы, выражая дѣйствія, непремѣнно являющіяся подъ конечными условіями міра. Следовательно и т. н. настоящее Русскаго глагола — *независимо отъ времени*, высказываетъ не время, а нечто другое. И такъ, мы должны придти къ заключенію, что ни одна глагольная форма, въ нашемъ языкѣ времени не означаетъ. Очевидно, что самая категорія времени терлется. Но, между тѣмъ, что-нибудь да выражаетъ же Русской глаголѣ своими формами и, какъ-нибудь, да даетъ же знать о времени. Что же онъ выражаетъ?

Откинувъ несвойственную Русскому глаголу категорію времени, которая можетъ сбивать и постоянно сбиваетъ нашихъ грамматиковъ, обратимся къ самому языку нашему. Всего лучше въ этомъ случаѣ взять всѣ формы нашего глагола въ томъ видѣ, въ которомъ всѣ они могутъ употребляться, т.-е. въ видѣ *отглагольнаго имени* или иначе *неопредѣленнаго наклоненія*. Приведемъ для перваго примѣра глаголы: *двигать*, *двигнуть*, *двигивать*. Сейчасъ видимъ, что эти формы выражаютъ не время, но качество дѣйствія. Вникнемъ ближе, и мы увидимъ, что здѣсь опредѣляется самое дѣйствіе въ его существенныхъ проявленіяхъ, въ его *моментахъ*, если

употребить на сей разъ это слово въ философскомъ смыслѣ. Постараемся разсмотрѣть ихъ. Дѣйствіе, въ первомъ своемъ видѣ, является общимъ, неопредѣленнымъ; такаа степень дѣйствія выражается общою формою: *двигать* (*). Переходя въ дѣйствительность, проявляясь и опредѣляясь съ тѣмъ вмѣстѣ, дѣйствіе является какъ одинъ моментъ, живой моментъ его пережизненія въ дѣйствительность (за предѣлами этого мгновенья, оно является, въ пониманіи, или дѣйствіемъ общимъ, неопредѣленнымъ, или уже совершившимся, и потому не дѣйствіемъ). Эта степень дѣйствія, степень его осуществленія, схваченнаго въ самый мигъ его проявленія, выражается формою: *двигнуть*.—Но одинъ такой моментъ, повторяясь, образуетъ цѣлый рядъ уже проявившихся, отдѣльных, опредѣленныхъ моментовъ, гдѣ дѣйствіе перестаетъ быть дѣйствіемъ, гдѣ оно является совершившимся. Этотъ рядъ отдѣльныхъ моментовъ въ свою очередь безконеченъ и является, какъ неопредѣленное множество. Онъ выражается особою формою: *двигивать*.

И такъ, при первомъ взглядѣ, въ Русскомъ глаголь видимъ: 1) *дѣйствіе*, какъ общее, дѣйствіе не опредѣленное; 2) *дѣйствіе*, какъ моментъ, дѣйствіе въ минуту своего осуществленія, и наконецъ отсюда 3) *дѣйствіе*, какъ моменты, какъ неопредѣленный рядъ опредѣленныхъ осуществленій или моментовъ. Вотъ три степени дѣйствія, которыми обозначается весь общій ходъ его проявленія!

Глаголь въ Русскомъ языкѣ выражаетъ самое дѣйствіе, его сущность. Отъ качества дѣйствія дѣлается уже заключеніе о времени. Поэтому и формами гла-

(*) Далеко надѣемся изложить это яснѣе.

гола обозначается самое дѣйствіе, время же въ немъ есть дѣло употребленія; это употребленіе основано на соответствіи глагольных формъ съ временами. Неопредѣленное дѣйствіе съ точки зрѣнія времени, естественно является неопредѣленно продолжающимся; поэтому *двигать* образуетъ *время настоящее*. Дѣйствіе, какъ мгновеніе, напротивъ длиться не можетъ, следовательно не можетъ быть настоящимъ; понятое въ минуту своего проявленія, оно является мгновенно наступающимъ, и потому, относительно времени, принимается и употребляется, какъ будущее время, напр: *двигну*.— Это понятно: если дѣйствіе, какъ мгновеніе, не можетъ проявиться въ настоящемъ; то, само собою разумѣется, оно можетъ проявиться только въ будущемъ или прошедшемъ; но прошедшее (о чемъ надѣемся опять сказать ниже) уже не есть дѣйствіе, не есть глаголъ;— стало быть, остается одно будущее. Такъ какъ въ Русскомъ глаголъ (что уже было замѣчено выше) главное дѣло—опредѣленіе самаго дѣйствія, а время есть только выводъ, заключеніе, то поэтому дѣйствіе, и неопредѣленное и мгновенное, выражается независимо отъ времени (примѣры см. выше), придавая такую жизнь и силу Русской рѣчи и ставя въ недоумѣніе нашихъ филологовъ. —Что касается до прошедшаго дѣйствія, то оно не есть дѣйствіе по понятію Русскаго языка, и это очень вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро дѣйствіе прошло, гдѣ же дѣйствіе? его нѣтъ; — остается тотъ, кто совершилъ дѣйствіе, предметъ, изъ котораго произошло оно и въ которомъ пребывало; въ такомъ случаѣ все значеніе дѣйствія переходитъ на предметъ, дѣйствительно или отвлеченно представляемый, и становится уже *качествомъ предмета* или прилагательнымъ. Поэтому прошедшее время въ нашемъ языкѣ не

имѣть соответственной глагольной формы, но форму отглагольнаго прилагательнаго или причастія. — Въ степени или моменты дѣйствія имѣютъ, какъ и слѣдуетъ, свое прошедшее; ибо всякое дѣйствіе можетъ перестать; поэтому всѣ формы глагола, выражающія эти степени, имѣютъ отъ себя форму прошедшаго, — отглагольное прилагательное (*двигалъ, двигнулъ, двигивалъ*). Дѣйствіе же, какъ рядъ моментовъ (*двигивать*) необходимо является только въ прошедшемъ (*двигивалъ*). Въ настоящемъ оно не можетъ быть представлено; ибо дѣйствіе *опредѣленное*, дѣйствіе, какъ осуществленные моменты, не можетъ длиться, не можетъ быть въ настоящемъ, которое, какъ скоро оно понято не отвлеченно, а действительно, — не существуетъ; оно есть только невидимый рѣзецъ, дѣлящій дѣйствіе на прошедшее и будущее (*). Въ будущемъ дѣйствіе, какъ рядъ моментовъ, также представлено быть не можетъ; ибо дѣйствіе грядущее или наступающее, выходящее изъ неопредѣленности, является при выраженіи всегда, какъ одинъ моментъ: о не выразившемся слѣдующемъ моментѣ мы говорить еще не можемъ, ибо его еще нѣтъ; онъ таится въ безразличной отвлеченной силѣ дѣйствія. Рядъ моментовъ можетъ образоваться тогда, когда является рядъ выраженныхъ, слѣдовательно совершившихся, бывшихъ, *прошлыхъ* моментовъ. Поэтому дѣйствіе, какъ рядъ моментовъ, понимается и употребляется, относительно времени, только какъ прошедшее и, слѣдовательно въ глаголъ, не имѣя собственно глагольной формы, имѣетъ только форму прошедшаго, т.-е. форму отглагольнаго прилагательнаго, напр. *двигивалъ*.

И такъ, уже съ перваго взгляда видно, что Русской

(*) См. Прибавленія N 2.